

Исследуется феномен экстремальности городского дискурса, и на этой основе прослеживается его влияние на эстетику города. Автор приходит к выводу о сложной и противоречивой природе экстремального состояния бытия. Вывод обусловлен ситуацией стимулирования проектировщиков городов к принятию инновационных решений, а также дихотомичным влиянием экстремальности на динамику города. Эстетическое измерение кризисных состояний выявляет эпатажные архитектурные решения и направления начала XX века. Однако в XXI веке фокус внимания переносится на имитационные игры, что олицетворяет метамодернистский «возврат» к новой искренности. Данную тенденцию автор концептуализирует как «культуру повтора».

Ключевые слова: экстремальность; городской дискурс; эстетика; метамодернизм; постмодернизм; имитация. /

The purpose of the article is to study the phenomenon of extreme urban discourse and, on this basis, to trace the influence of the phenomenon on the aesthetics of the city. The author comes to the conclusion about the complex and contradictory nature of the extreme state of being. The conclusion is due to the situation of stimulating city designers to innovative solutions, as well as the dichotomous influence of extremeness on the dynamics of the city. The aesthetic dimension of crisis states reveals shocking architectural solutions and directions of the early 20th century. However, in the 21st century, the focus shifts to simulation games, which represents a metamodern 'return' to a new sincerity. The author conceptualizes this trend as iterating culture.

Keywords: extremeness; urban discourse; aesthetics; metamodernism; postmodernism; imitation.

Эстетика городской экстремальности: культура повтора / Aesthetics of urban extremes: iterating culture

текст
Ли́я Миркушина
Московский городской педагогический университет
text
Liya Mirkushina
Moscow City University

Антиномия городской экстремальности как исследовательский вектор

Экстремальность городского дискурса представлена крайней, конечной, чрезвычайно сложной природой, отражающей предельное состояние в существовании вещей. Резкий выход за предельные величины в ограниченном временном промежутке и пространственном порядке отражает онтологическое понимание экстремальности, так как описывает состояние бытия и его трансценденцию. Ситуация экстремальности нарушает привычный ход жизни, привнося стихийность, противоречивость темпоральных изменений, при этом усложняя протекающие процессы в связи с изменениями и новизной состояний.

В политическом и городском дискурсе экстремальные социальные явления часто описываются в ситуациях, связанных с катастрофами, эпидемиями, войнами, террористическими актами, стихийными бедствиями, экономическими кризисами. Фаза нестабильности и дестабилизация привычных жизненных установок, обусловленная девиантной природой экстремальных ситуаций, заставляет искать новые решения. Примером может послужить пандемия COVID-19, которая нарушила привычный образ жизни миллиардов людей, закрыла границы стран, сократила торговые объемы, переориентировала экономические потоки [1, с. 28]. Вынужденный карантин и изоляция в целях исключения распространения вируса, минимизация социальных контактов привели к новым трудностям, которые ранее люди не испытывали. Горожане, будучи заключенными не по своей воле, жертвовали частью своей свободы, ибо правила большого города диктуют всеобщее повиновение. Однако данная экстремальная ситуация породила и новые социальные практики, разработку инновационных продуктов и подходов в области здравоохранения, усовершенствовала цифровые технологии, ускорила процесс дигитализации образования, интернет-услуг и т. д. Таким образом, экстремальные ситуации порождают новые, экстраординарные обстоятельства бытия, которые стимулируют инновационные решения, внедряясь в дальнейшее в повседневную жизнь.

В фокус внимания вводится проблематика антиномичности феномена экстремальности. Исследователи

отмечают эволюционный и трансформационный характер экстремальных ситуаций, несущих в себе потенциал выхода на новые уровни развития. «Воздействуя на объект, экстремальные события вызывают в точках экстремумов саморазвитие, самосовершенствование либо ведут к дестабилизации и распаду» [2, с. 114]. Антиномии городской экстремальности, которые находят отражение в диалектическом противоречии функционирования социальных структур в городском дискурсе, формируют исследовательские векторы данной статьи.

Экстремальность в контексте экзистенциального кризиса

В философском дискурсе начала XX века экстремальность осмысливалась с точки зрения человеческого опыта, данному феномену придавалось значение конечности и «хрупкости» жизни. В рамках экзистенциальной философии М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра экстремальность интерпретирована как пограничное состояние экзистенции, возникающее во время эмоционального стресса, связанного с переживанием чувства страха от абсурдности существования. Экстремальность настраивает новую оптику восприятия города не только как места возможностей, но и как опасного места, проецируя одиночество, страх, отчуждение, тревожность [3, с. 108].

В романе Ж.-П. Сартра «Тошнота» вымышленный город Бувиль становится фоном и отражением переживания абсурдности существования главного героя. Эстетика экстремальности пронизывает город: обрывки изорванных афиш, пустые бульвары, темные парки, странные районы, забытые окраины, слабо освещенные улицы передают состояние потерянности и оторванности от реальности («Город забыл о бульваре») [4]. Автор использует городскую среду, чтобы усилить ощущение одиночества и беспокойства, «тошноты» перед лицом абсурда бытия. Мрачная эстетика бульваров и улиц вызывает дискомфорт, а пустые кафе, вокзал, музеи становятся продолжением внутреннего мира Рокантена, физическим воплощением чувства отчуждения. Экстремальная точка достигается в признании героя страха перед городом: «Я боюсь городов. Но уезжать из них нельзя». В конечном итоге Бувиль выходит за рамки просто населенного пункта

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>
Acknowledgements: The study was supported by a grant of the Russian Science Foundation No 23-18-00288 "Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies", <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

< Рис 1. Москва.
Измайловский кремль.
Архитекторы А. Ф. Ушаков,
М. В. Алексеева. 2003
(<https://www.kremlin-izmailovo.com>)

и становится символом экзистенциального состояния человечества, одновременно коррелируя с духовным кризисом Рокантена и стимулируя его к размышлениям о сущности вещей, свободе и смысла существования. Таким образом, элементы города и сам город задают настроение потерянности, наблюдение за жизнью города – это одновременно рефлексия и наблюдение за своим состоянием, что способствует философскому исследованию прошлого, настоящего и будущего.

В данном ключе снова обращает на себя внимание феномен антиномичности экстремальности, ее дихотомичного влияния на динамику города. С одной стороны, экстремальные ситуации разрушительны по своей природе, а с другой – трансформационный характер экстремальных ситуаций несет в себе потенциал выхода на новые уровни развития, побуждает городское сообщество к изменению. Подобный антиномичный смысл феномена экстремальности подчеркивает диалектическое противоречие в социальных структурах и городском дискурсе [5].

Эстетическое измерение кризисных состояний

Дихотомичный характер экстремальности побуждает к диалектическому осмыслению ее эстетических измерений. Экстремальность может разрушать эстетику города, менять ее, продуцировать новые решения, а может – трансформировать представления о природе прекрасного и отталкивающего.

В ряде случаев город и его архитектура становятся зеркалом кризисных явлений и событий, демонстрируя экстремальную эстетику, где необычный, эпатажный, крайне сложный и порой провокационный облик создает новые сооружения, памятники и скульптурные композиции, задавая атмосферу споров и дискуссий. Осмысливая эстетику выражения идей и ощущений, А. Ф. Лосев утверждал, что ее внутренняя сущность выражается через внешнее воспринимаемое и нашим зрением, и всеми прочими внешними чувствами [6, с. 85]. М. С. Каган – современный отечественный эстетик – предлагает понимать эстетику как «специфическое проявление ценностного отношения человека к миру и сферу художественной деятельности людей» [7, с. 805]. Таким образом, общественные, экономические и политические кризисы, войны

и революции стали катализатором изменений, с одной стороны, во внутреннем мире горожан, с другой – в архитектуре и эстетическом преобразении города и городских дискурсов. Кризисные явления создают условия, в которых точки экстремума достигают критических показателей, стимулируя рост движений и сообществ, предлагающих радикальные решения существующих проблем. Итальянский историк архитектуры Манфредо Тафури говорил, что «архитектура – это поле, определяемое и конституируемое кризисом» [8].

Тезис М. Тафури подтверждает состояние художественных поисков начала XX века. Модернизм, особенно авангард как направление в архитектуре (и не только) начала XX века, явился ответом на апокалиптические настроения в общественном сознании, предстоящие революции и мировые войны. «Общее эмоциональное настроение раннего модернизма определялось сумятицей и хаосом жизни начала XX века, ее разрушение обнажало страх и одиночество человека» [9, с. 25]. Так, художники, градостроители, архитекторы отображали экстремальные идеи авангарда в городском пространстве, используя визуальные инструменты, такие как пропорции и баланс, симметрию и цвет, ритм и стиль, чтобы добиться определенного эффекта.

В конце XX века реализовывались векторы радикального отступления от традиционной архитектурной эстетики и практики, что стало возможным благодаря технологиям и использованию усовершенствованных материалов. Характеристики деконструктивизма включали в себя нелинейность: отказ от традиционной последовательности и логики в планировке и дизайне; фрагментацию как использование разрывов и неожиданных изменений в структуре зданий; асимметричность, которая не подчиняется классическим законам симметрии и прямых углов; использование новых материалов и технологий; «хрупкость», так как поверхностные эффекты и облочки создают впечатление нестабильности и шаткости из-за использования сложных поверхностей.

Игра в имитацию

Текстовая динамика современного города нередко ведет себя как сиквел ушедшего столетия. В городах

мы встречаем не только повторы, но и повторы повторов. Означает ли это, что жизнь города стала менее экстремальной и потому утратила (временно) интенции к переменам? Или же экстремальность стала настолько привычной для горожан, что перестала так заметно влиять на развитие городов?

Эстетика современного города изобилует имитациями, иллюзией исторического контекста, и это является отражением и продолжением постмодернистской традиции. Приобретая системный характер, данная тенденция трансформируется в устойчивое состояние, которое мы обозначаем как «культуру повтора». Она презентуется цитированием архитектурных форм и стилей, в какой-то мере воссоздавая утраченные элементы исторической атмосферы городского ландшафта. Подобное явление можно наблюдать в неоклассицизме и неонисторизме, которые внешне диктуют обращенность к историческим образцам, но при этом используют усо-

вершенствованные материалы и технологии. Примерами неонисторизма в архитектуре являются Измайловский кремль в Москве и отель «Адлон» в Берлине, отражающие идею возрождения исторических форм строительства (рис. 1, 2). Включая в свои проекты отдельные архитектурные элементы или композиционные решения прошлых эпох, архитекторы создают комплексные текстуальные и визуальные связи. Вместе с тем в культуре повтора содержание и смыслы воспроизводимых элементов либо утрачиваются, либо существенно изменяют свои внутренние характеристики.

Текстуальная природа города содержит в себе множество дискурсов, а также наслоение повторов в сложной семиотической системе. Создание в городе искусственных исторических объектов (не всегда с опорой на подлинность и оригинальность), имитация архитектурных стилей прошлых эпох, превращение коммерциализированных зон в общественные пространства становится

в Рис. 2. Берлин (Германия). Отель «Адлон». Архитектурного бюро Patzschke & Partner. 1997 (<https://clck.ru/39f0qN>)

< Рис. 4. Лондон (Англия). Летний павильон галереи Серпентайн. Архитектурное бюро «Херцог и де Мёрон», архитектор Ай Вэйвэй. 2012 (<https://clck.ru/39UPd6>)

контролируемой версией городской жизни. Искусственно созданный контекст города переопределяет реальность, делая границу между оригинальным и суррогатным все более размытой. Д. Харви констатирует, что постмодернизм развивает концепцию городской застройки как «неизбежно фрагментированного явления, «палимпсеста» прошлых форм, наложенных друг на друга, и «коллажа» сиюминутных функционалов, многие из которых могут носить эфемерный характер» [10, с. 69].

Эклектика архитектуры постмодернизма обосновывается идеей усовершенствования применяемых в строительстве технологий, которые позволяют решать проблему формы, а также преодолевать однообразность физического воплощения зданий и массовость серии продукции, сделав ее более индивидуализированной. Таким образом, технологический детерминизм показателен для городской архитектуры как свободный контекст, в котором смело реализовываются стилистический пастиш и эклектизм, в отличие от ограничений модернизма послевоенных лет (рис. 3). Пастиш как механизм интертекстуальности представляет собой эстетическую имитацию историчности, что ведет к потере критического диалога с историей и культурой, а также к упрощению и коммерциализации городского пространства. Данный процесс не только вносил изменения в архитектуру и планировку, в которых сочетаются различного рода имитации искусства прошлого, но и подвергал трансформации социальную структуру и экономические отношения, которые формируют современный город. Таким образом, концепт культуры повтора вызывает дискуссии об аутентичности, так как, с одной стороны, намеренное использование отсылок к прошлому приводит к потере индивидуальности, а с другой – может стать способом обогащения современной архитектурной практики посредством обращения к историческому опыту.

Новая искренность метамодернизма

Ускорение темпов городской жизни, изначально экстремальный характер урбанизации, характерные для XX–XXI веков, продуцировали определенные эстетические реакции, такие как постмодернизм, со свойственной ему ценностно-исторической нейтральностью (именно таких

ценностно-нейтральных персонажей мы встречаем в романах Камю и Сартра), а затем – метамодернизм. Преемственность постмодернизма и метамодернизма в культуре городской экстремальности обусловлена характерной для постмодернизма ироничностью в сочетании со стилистическим пастишем как методом создания исторически многослойной реальности (рис. 4).

С одной стороны, теоретики метамодернизма опираются на конститутивные черты постмодерна, такие как гибридность, многообразие и свобода, но с другой – они стремятся дистанцироваться от постмодернизма, используя его художественные приемы в ином ключе. Городские «ситкомы» эпохи метамодернизма используют предыдущие приемы, такие как ирония и «пастиш», чтобы оказать прежде всего эмоциональное воздействие, так как постулируется установка – новая искренность (Ф. Джеймисон). Ведь субъект метамодерна – это субъект

v Рис. 3. Гамбург (Германия). Эльбская филармония. Архитекторы Жак Херцог, Пьер де Мёрон. 2016 (<https://clck.ru/39UPvu>)

> Рис. 5. Бергамо (Италия). Проект флагманского завода «Сан-Пеллегрино». Архитектурное бюро BIG – Bjarke Ingels Group (<https://clck.ru/39UR6X>)

чувствующий, который стремится вернуться к историческим корням, аутентичной культуре, что выражается в лозунге «историчность, аффект и глубина» [11, с. 85]. В городском пространстве метамодерна мы наблюдаем преодоление ограничений модернизма и постмодернизма, сочетание элементов данных направлений с новыми идеями. Происходит фокусирование на создании пространств, отражающих сложность, многослойность и динамичность современного общества (рис. 5).

Формирующийся в условиях цифрового общества, новой экономики, социальных отношений, политических практик, метамодерн ярко маркирует новую эстетическую повестку. Маркер аутентичности городского пространства развивается в рамках специфики *temp-environment paradigm* (люди – окружающая среда): брусчатка тротуаров, этнические кафе, памятные доски на фасадах, кирпичные дома – все то, что обладает историей и привлекает людей. Одновременно сохраняется вопрос иллюзии исторической атмосферы как упущение возможности сохранения подлинной истории. Контекст глобализации, стандартизации в потребительском секторе, влияние массовой культуры и коммерциализации культуры как инструмента привлечения потребителей приводит к тому, что девелоперы городского пространства превращают аутентичность в товар [12]. Данную проблему обнаруживает Шарон Зукин в работах «Культуры городов» (1995) [12], «Обнаженный город» (2010) в рамках изучения влияния культуры на эстетику города. Переосмысление эстетики промышленных объектов, «приручение индустриального стиля» является частью новой волны развития экономической культуры. Подобная ситуация ведет к созданию нового городского пространства, где производится симуляция аутентичности. Множество копий, приближение к одинаковым формам и значениям культур, имеющих разное происхождение, порождает «конвергенцию глобальной культуры» [13].

Сингулярность, виртуальность и непрерывность также стали понятийным фундаментом новой пространственной парадигмы. Города, в которых мы проживаем, сложно представить без виртуальной поддержки. Колебание

маятника метамодерна происходит между виртуальностью и действительностью, вымышленным и реальным, субъективным и объективным. Идея свободной формы, ставшая символом нелинейного движения в архитектуре, извлекается из динамического вычислительного процесса, происходящего в виртуальной реальности (рис. 6).

Но поскольку идею новой искренности и чувственности невозможно развивать вне контекста городских проблем, метамодернизм одновременно откликается на кризисные состояния, связанные с экологией, экономической нестабильностью, геополитическим напряжением, а также с личной отчужденностью человека от природы. Новая формула нестабильности, встраивающая хаос в эволюционный процесс, парадоксальным образом тяготеет к стабильности, хотя и неустойчивой, неравновесной. Этап жесткой дестабилизации принятых канонов уходит. Присутствие хаотического начала является необходимым условием жизни и развития, как антиномичный характер экстремальности, несущий в себе потенциал развития.

Подводя итог, важно отметить, что эстетика экстремальности имеет трансформационную природу, которая может вывести к эволюционному пути либо к разрушению. В философском дискурсе начала XX века феномен экстремальности осмысливался как переживание опыта экзистенции, связанного с абсурдностью состояния собственного существования, где город является зеркалом внутреннего мира героя. Дихотомичный характер экстремальности задает эпатажность и провокационность архитектурным направлениям, в частности авангарду. В дальнейшем постмодернизм и метамодернизм продолжили тенденцию к отказу от линейности, преодоления традиционных форм как в физическом, так и в символическом смысле. Однако в городском пространстве имеет место и культура повтора как игра в имитацию, возврат к аутентичным началам, что может подтверждаться идеей новой искренности, романтизма и возврата к универсальным истинам метамодерна либо рождать проблему оригинальности и подлинности исторического контекста.

Литература

1. Лакаев, П. В. Феноменология «бедствий» в творчестве Питирима Сорокина // Вопросы философии, политологии и социальной антропологии. – 2022. – № 2 (20). – С. 26–36.
2. Завьялова, Н. В. Сущностные характеристики экстремальности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22). – С. 114–120.
3. Трубина, Н. А. Homo urbanus в модальном дискурсе бытия: проблема части и целого // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 105–117.
4. Сартр, Ж.-П. Тошнота / пер. с фр. Ю. Я. Яхниной. – Москва : Аст, 2014. – 320 с.
5. Савченко, И. А. Вектор Штера: знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60, № 4. – С. 173–189.
6. Лосев, А. Ф. Диалектика художественной формы // Форма. Стиль. Выражение. – Москва : Мысль, 1995. – 926 с.
7. Каган, М. С. Эстетика // Философский энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – С. 805–808.
8. Tafuri, M. Architecture and Utopia. Design and Capitalist Development. – Cambridge : MIT Press, 1979. – 196 p.
9. Воличенко, О. Архитектура как ответ на вызовы современности // Проект Байкал. – 2023. – № 4 (78). – С. 22–29. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/78.2228
10. Харви, Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.
11. Аккер, Р. ван ден. Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки. – Москва : РИПОЛ классик, 2022. – 496 с.
12. Зукин, Ш. Культуры городов. – Москва : Новое лит. обозрение, 2015. – 419 с.
13. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

References

- Akker, R. (2022). *Metamodernizm. Istorichnost, affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism] (V. M. Lipki, Trans.). Moscow: RIPOL klassik.
- Harvey, D. (2021). *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kulturnyh izmenenij* [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change] (N. Procenko, Trans.). Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.
- Kagan, M. S. (1983). Estetika. [Aesthetics]. *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet encyclopedia.
- Lakaev, P. V. (2022). Fenomenologiya 'bedstvij' v tvorcestve Pitirima Sorokina [Phenomenology of 'disasters' in the works of Pitirim Sorokin]. *Abyss (Issues of philosophy, political science and social anthropology)*, 2(20), 26-36.
- Losev, A. F. (1995). *Dialektika hudozhestvennoj formy* [Dialectics of artistic form] *Form – Style – Expression*. Moscow: Mysl.
- Sartre, J. P. (2014). *Toshnota* [Nausea] (Yu.Ya. Yahnina, Trans.). Moscow: Ast.
- Savchenko, I. A. (2023). Vektor Shtera: znanie v koordinatah goroda [Shter vector: knowledge in city coordinates]. *Epistemology and philosophy of science*, 60(4), 173-189.
- Sorokin, P. A. (1992). *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society] (S. A. Sidorenko, Trans.) Moscow: Politizdat.
- Tafuri, M. (1979). *Architecture and Utopia. Design and Capitalist Development*. Cambridge: MIT Press.
- Trubina, N. A. (2023). Homo urbanus v modalnom diskurse bytiya: problema chasti i celogo [Homo urbanus in the modal discourse of being: The problem of part and whole]. *Digital Scientist: Philosopher's Laboratory*, 6(3), 105-117.
- Volichenko, O. (2023). Arhitektura kak otvet na vyzovy sovremennosti [Architecture as a response to the challenges of modernity]. *Project Baikal*, 20(78), 22-29. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/78.2228>
- Zavyalova, N. V. (2013). Sushchnostnye harakteristiki ekstremalnosti [Essential characteristics of extremeness]. *Historical and socio-educational thought*, 6(22), 114-120.
- Zukin, Sh. (2015). *Kultury gorodov* [The Cultures of Cities]. Moscow: New Literary Review.

^ Рис. 6. Инсбрук (Австрия). Кабельная железная дорога. Архитектор Заха Хадид. 2007 (<http://surl.li/rptaa>)